

почти исчезла. Только фольклор помогает сейчас в значительной мере воссоздать картину, как в мышлении общества определенной стадии развития отражалась извечная борьба человека с природой. Фольклорные данные, увязанные с памятниками материальной культуры, собираемыми этнографами и археологами, позволяют хорошо иллюстрировать подлинно научную историю Карабаха. Многие из прошлого, вероятно, уже ушло из памяти прежде, чем его удалось записать. Поэтому казалось важным сделать общедоступным то, что собрано к настоящему времени.

Организация в столице НКАО—Степанакерте—Областного краеведческого музея объединит вокруг себя всех краеведов области.

Мы надеемся, что, несмотря на свою неполноту, даваемый нами материал во многом поможет краеведам области в сборе новых данных для воссоздания картины прошлого бытия и связанных с ним форм сознания.

Пристальное изучение способов народной технологии, безразлично, будет ли это переработка пищевых веществ или архаические приемы керамического производства, открывает перед технической мыслью новые и, подчас, неожиданные горизонты. Задача, стоящая перед нами—со всем вниманием отнестись к многовековому опыту нашей многонациональной семьи народов Советского Союза, взять из него лучшее и передать нашей промышленности.

Одной из наибольших трудностей при систематизации сведений о применении растений является отождествление местного названия с общепринятым в науке латинским. Вероятно в этом и лежит причина незначительного количества ботанических названий, которые собираются во время лингвистических экспедиций.

Первое, с чем приходится считаться—это с наличием в народной номенклатуре имен собирательных, общих для самых различных видов растений, если они могут быть объединены по какому-либо определенному хозяйственному признаку.

Так, например, в Карабахе под именем „птрах“ (аз.)¹, которому семантически соответствует русское слово „прицепка“, объединяются все виды растений, мелкие плоды которых легко прикрепляются к одежде человека или к

¹ В тексте (аз.) обозначает азербайджанское название, (арм.)—армянское название.

шерсти пасущегося скота. Термин этот в равной мере применяется и по отношению к сорным видам, как представители рода *Lappula* (из сем. *Borraginaceae*), репяшок, *Agri-
monia eupatoria* L. (из сем. *Rosaceae*), зонтичное *Torilis in-
festa* Hoffm. (сем. *Umbelliferae*), так и по отношению к
лесной чаровнице, *Circaea lutetiana* L. (сем. *Onagraceae*).
Под именем „авиль“ или „эвиль“, соответствующим рус-
скому „веник“, объединяются как красивый закавказский
дрок, *Genista transcaucasica* B. Schischk. (из сем. *Legumino-
sae*), с прутьевидными ветвями, так и заготавливаемый на ве-
ники сухоцвет, *Xeranthemum cylindraceum* Sibth. et Smith
(из сем. *Compositae*) или привозимые для продажи осенью
с изменности в виде связанных веников соцветия солон-
чакового кермека Мейера, *Statice Meyeri* Boiss., (из сем.
Plumbaginaceae). Мало того, два низких кустарничка с пру-
тьевидными ветвями, повидимому никогда не заготавливае-
мые на венники, *Cotoneaster Fontanaisii* Desf. (из сем. *Rosa-
ceae*) и желтоцветный жасмин, *Jasminum fruticans* L. (из
сем. *Oleaceae*) называются: первый „цик-авиль“, второй „ко-
нач-авиль“ (оба арм.).

Под именем „наз“ (аз.) подразумевается—в Нагорном
Карабахе закавказский дрок, *Genista transcaucasica* B. Schi-
schk. (сем. *Leguminosae*), в пределах Кура-Араксинской низ-
менности красивая резеда, *Reseda luteola* L. (сем. *Rese-
daceae*), по южному склону Большого хребта конопляная
датиска, *Datisca cannabina* L. (сем. *Datiscaceae*). Другими
словами мы встречаемся с объединением ряда несходных
между собою по внешнему виду растений, но сходных по
определенному технологическому признаку — способности
давать на шерсти выкраски желтого цвета.

Под именем „тал“ (арм.) в Карабахе подразумевается и
щирица, *Amaranthus retroflexus* L. (сем. *Amaranthaceae*) и
белая марь, *Chenopodium album* L. (сем. *Chenopodia-
ceae*); здесь общим названием объединены два вида расте-
ний, которые весной используются в пищу, как шпинат.

Иногда семантическая связь названий остается спорной.
Под именем „свахот“ (арм.), что в переводе означает „чер-
ная трава“, в Карабахе понимается и горная форма злака
овечьей овсяницы, *Festuca ovina* L. s. lat. (сем. *Gramineae*),
с фиолетово-окрашенными антоцианом колосками, и губо-
цветное, душица, *Origanum vulgare* L. (сем. *Labiatae*),
все надземные части которой также густо окрашены анто-

цианом в фиолетовый цвет. Но в то же время *Origanum vulgare* L. вместе с ветвями кустарника „чапки“, *Cornus australis* C. А. М. применяется для получения черных выкрасок на шерстяной нитке. Неясно, называется ли *Origanum vulgare* L. черной травой потому, что находит применение в народной технологии крашения, или объединена в одно название с *Festuca ovina* L. s. lat. по признаку окрашенности антоцианом в темный цвет.

Наоборот, в других случаях мы встречаемся с очень тонкими разделительными названиями. Так, отдельные сорта мяты, которые шли в пищу и отличаются между собой по вкусу, но ботаниками объединяются под одним латинским названием *Mentha longifolia* L., носят различные народные названия: „дагц“, „нэнук“ и „рехан“ (все три арм. в Джрабертском районе). Три вида дикорастущих щавелей имеют различные местные названия: *Rumex acetosa* L.—„тыртнджук“, *R. crispus* L.—„шэп“ и *R. pulcher* L.—„авялик“.

В некоторых случаях намечается как бы родовое название и видовые определения, до известной степени в соответствии с принципами бинарной номенклатуры. Общее название „мош“ (арм.) означает ежевику, т. е. виды рода *Rubus* из подрода *Eubatus*. Приставки перед родовыми названиями соответствуют различным видам ежевик: „мра-мош“—*Rubus caesius* L.; „арчи-мош“—*Rubus caucasicus* Focke; „эца-мош“—*Rubus sanguineus* Friv. Однако подобная номенклатура очень неустойчива и непостоянна даже в пределах одного района.

По тому же „бинарному“ типу построен ряд других видовых народных названий, но под „родовым“ определением объединяется ряд систематически далеких видов растений. „Ткян“ (аз.) означает „колючка“. „Беюрткян“ (аз.)—ежевика, без различия видов, т. е. виды *Rubus* из подрода *Eubatus* (сем. *Rosaceae*); „кара-ткян“ (аз.)—держи-дерево, *Paliurus spina-christi* (Mill.) C. K. Schneider (сем. *Rhamnaceae*); „сары-ткян“ (аз.)—колючий желтый василек, *Centaurea solstitialis* MB (из сем. *Compositae*).

Наконец, ряд видов, не имеющих хозяйственного значения, получил народные названия от сходных с ними хозяйственно ценных видов. „Пэки“ (арм.)—название зонтичного *Hippomarathrum crispum* (Pers.) Koch, черешки листьев которого в больших количествах засаливали. „Кюль-пэки“ (арм.)—название двух зонтичных, листья которых по фор-

ме могут быть смешаны с листьями съедобного *Hippomarathrum crispum* (Pers.) Koch, но которые в народе считаются ядовитыми: *Peucedanum ruthenicum* MB и *Prangos ferulacea* Lindl. От настоящего „шириш“ (арм., аз.), *Eremurus spectabilis* MB со съедобной молодой листвой и находящими техническое применение толстыми корнями, названием „каш-шириш“ отличается серно-желтый касатик, *Iris sulfurea* C. Koch, не обладающий хозяйственно-ценными свойствами.

Количество примеров могло бы быть увеличено, но и приведенных достаточно для иллюстрации, насколько рискованно объединять сведения, связанные с местными названиями, без проверки, к каким ботаническим видам они относятся.

Далее, трудностью для понимания, почему то или иное растение могло играть большую роль в жизни местного населения в прошлом, является иногда почти полная невозможность оторваться от современности и посмотреть на растение глазами человека, живущего в совершенно иных хозяйственных условиях.

Почему в рассказах о применении дикорастущих видов играет такую видную роль „кичь“ (арм.), береста дикой черешни, *Cerasus avium* Moench, или ветви хвойного дерева тисса „кэнэ“ (арм.), *Taxus baccata* L. и ветви гуммитрагáнтового астрагала, *Astragalus erinaceus* F. et M., „вэси“ (арм.) местного населения? Почему сохранилась и до сих пор в ряде сел традиция сеять около дома небольшое количество, иногда всего около половины квадратного метра, масличного рыжика, крестоцветного *Camelina sativa* Crantz s. l., „сорэк“, хотя сейчас нигде уже не быют рыжикового масла? Почему сейчас, когда в сельских кооперативах всегда можно достать сколько угодно спичек, старики берегут жгуты трута, сплетенные из волосков местной ястребинки, „һапет“, *Hieracium hysperium* Naeg. et Peter?

Только осмотрев сохранившиеся еще кое-где, главным образом, в Джраберте, правда, уже нежилые курные подземные дома без окон, „карадамы“ (черные дома), как их зовут в Азербайджане и как принято называть их в литературе, или „мец-тон“ (арм., т. е. „большие дома“), как зовут их в северном Карабахе; только представив себе, каково было жить в подобном врытом в склон холма помещении, со всегда влажным воздухом и светом, который падал сквозь единственное, проделанное в потолке отверстие

для выхода дыма, который свободно ходил внутри здания, выедавая глаза и покрывая бревна толстым глянцевитым слоем сажи,—можно отдать себе отчет, какой гигантский скачок сделала область в наше время, нетолько перейдя жить из недр земли на поверхность, но и построив у себя дороги, школы, заводы, колхозы, фермы и т. д.

В плане джрабертский карадам имеет форму слегка вытянутого четырехугольника размером 7 на 8 м, 7,5 на 9 м. и даже 8 на 10 м и вполне оправдывает название „мечтон“, т. е. большой дом. Земляной пол карадама врезан в склон холма. Вскрытая раскопкой порода составляет заднюю и большую часть боковых стенок подземного сооружения. Передняя стенка, в которой проделана дверь, сложена из тесаного камня или валуна. Вынутый грунт образует перед домом выравненную площадку. От передней каменной стенки, шага на три или четыре в ширину, отходит укрепленная на резных деревянных столбах земляная крыша, образующая навес—примитивную веранду возле жилого дома.

Приблизительно на расстоянии метра от каждого из углов ~~высятся~~ „сютюны“, могучие опорные бревна, имеющие в диаметре нередко свыше одного метра. Для изготовления их ~~привозили~~ огромные ~~кряжи~~ дубов или, реже, стволы грецких орехов. Кряжи эти были настолько тяжелы, что для того, чтобы подтащить их к месту постройки, в них впрягали по шесть—восемь пар рабочих волов, которые и тянули их волоком по подкладываемым коротким округлым деревянным каткам. На „сютюны“, сужающейся кверху пирамидой накладывали горизонтально в три или четыре яруса дубовые бревна—„~~hphormi~~“. В центре пирамиды, на высоте шести или семи метров от пола, оставляли отверстие „~~hbrt~~“, приблизительно в один квадратный метр. Прямо под ним врытыми в землю пола камнями выкладывали четырехугольник очага—„оджах“. Поверх бревен сперва клали дубовые плахи „лопна“, а на них покрытые хвоей лапки тисса или нежной-дерева—„кэнэ“ (арм.). *Taxus baccata* L. Лапки „кэнэ“ покрывались слоем ячменной соломы, а поверх нее глины, которую особыми колодушками („так“) крепко уколачивали, чтобы крыша не могла пропустить внутрь воду. Образующиеся со временем трещины постепенно замазывали слоем глины, отчего на старых карадамах (возраст их определяют в 60—100 лет) толщина крыши достигала 1,5 м.

Особые обычаи определяли время года и части лунного месяца, когда нужно было рубить намеченные для постройки стволы. Для того, чтобы заготовить в нужных количествах лапки тисса, у основания гигантских стволов разжигали костры и покрытые хвоей ветви резали уже с рухнувших великанов.

Вдоль задней стены, между задними „сютюнами“, оставляли невыбранную земляную площадку около метра шириной и нередко выше метра высотой; здесь хранили хозяйственный инвентарь. В более позднее время площадку заменяли деревянным шкафом без задней стенки, с резными деревянными дверцами, навешиваемыми на кожаных петлях. Такой шкаф—„дюкян“ служил для хранения запасов продуктов: вывернутых бараньих шкур, в которых в соленой сыворотке лежал овечий сыр „мотал“; в шерстяных тканых мешках запас небольших трехгранных кусков сушеного „мацуни“ (кислого молока), „чоратан“, шедшего зимой для изготовления своеобразного молочного супа, „килингеш“, который заправляли сушеными душистыми травами и также высушенными заплетенными в косы крупными листьями щавеля „авялик“, *Rumex crispus* L. Поверх шкафа ставилась резанная от руки липовая и карагачевая деревянная посуда (тазы и мерки), кружки и медные казаны, в которых варили и пищу и краски.

Против „дюкяна“ у передней стены карадама стоял открытый шкаф—„тхтатег“, в который на день складывались постели обитателей дома и запасные для гостей. Постели состояли из матрацов, набитых осенней короткой шерстью, и стеганых одеял, наполненных мягкой весенней шерстью. В „тхтатег“ помещались и мягкие ковровые сундуки „маф-раш“, в которых хранились приданое и парадные нарядные одежды.

Ряд высоких, в человеческий рост корзин, „амбар“ (арм.), сплетенных из веток лещины, „ткогны“ (арм.), *Corylus avellana* L., иногда обмазанных снаружи глиной, в которых хранилось тщательно промытое и высушенное на солнце пшеничное зерно, составляли как бы внутреннюю стенку карадама, делившую его и отгораживавшую вход от очага, к которому поэтому нужно было подходить по образовавшемуся таким образом корридору. Корзины покрывались дубовыми плахами, на которые ставили деревянные плоские корыта „ташт“, служившие для замеса хлеба, выпе-

кавшегося на рубчатых стенках расположенной рядом с „мец-тоном“, врытой в землю и защищенной от дождя конической крышей на четырех столбах хлебной печи „тонир“ или „торен“.

Меблировкой „мец-тона“ (карадама) служили ковры „гяба“, ткавшиеся женщинами, главным образом зимой, да плоские дубовые торцы „сидалак“, которые обычно стояли на ребре возле стен. В холодное время торцы подкатывали к огню и покрывали шерстяными матрацами, на которых сидели. Дрова для очага часто не рубили, а втаскивали в „мец-тон“ огромное бревно, наружная часть которого выступала в открытую дверь, горящий же конец лежал на камнях очага. Бревно могло гореть несколько суток, давая тепло и служа в то же время сидением.

Обстановку карадама дополняли: несколько медных кувшинов, „пгндзи-кож“, для воды; выдолбленное липовое бревно со вставленными днищами, подвешенное к „пхорми“ на плетеных из разноцветной шерсти веревках („кяндир“) и служившее маслостойкой — „хнэци“; ткацкий станок („джлкавер“) из грушевой древесины; укрепленная на правом заднем „сютюне“ подвеска для резных деревянных ложек („кёл-аман“) и крюк „чрак-кали“ — в более старое время для подвески черешневой лучины „кечи“ или высушенных стволиков гуммитрагантового астрагала, служивших лучиной, а позже металлического светильника „чрак“, в котором сжигали фитиль, погруженный в льняное масло; высокий отшлифованный деревянный треножник „тшты-кали“, на который ставили поднос с хлебом „нац“ (для того, чтобы до него не могли добраться мыши), запасной трут из волокна „напэт“ и огниво, лежавшее в неглубокой нише в стене. В таком карадаме жила неразделившаяся семья, достигавшая иногда сорока человек. Сюда входила невеста, „осыпаемая“ зрелыми орехами лещины, чтобы занять место за занавеской в переднем правом углу и провести, пользуясь почти исключительно ручной речью, первые годы своей семейной жизни.

Если жилище по сохранившимся памятникам материальной культуры и по воспоминаниям удастся восстановить с достаточной полнотой, то нельзя сказать того же относительно одежды. Повидимому в горных районах среди растительных волокон господство принадлежало до середины прошлого столетия льну. Сейчас культуры прядильного

льна-долгунца и специфически для него свойственных растений-сорняков в Карабахе обнаружить не удастся. Между тем народное название разводимого в настоящее время масличного льна-кудряша, „к'тав'нат“, что в переводе означает „холстинное семя“, говорит о производственном приоритете именно прядильных, а не масличных сортов.

Не сохранилось в памяти также использование на изготовление тканей волокна каких-либо дикорастущих растений: конопли, „сиремна“ или „кинэп“ (арм.), под которой подразумевают и культурную и дикую (*Cannabis sativa* L. и *Cannabis ruderalis* Janisch.) и крапиву, „пенджар“ (арм., аз.), *Urtica dioica* L.

Значительно более устойчивым оказался пищевой режим населения, сохранивший еще использование значительного количества дикорастущих видов растений. Однако, несмотря на обилие данных, дать сколько-нибудь правильное представление о пищевом режиме трудно. Взять в правильном масштабе и одновременно в историческом разрезе роль пищевых дикорастущих растений в общем пищевом балансе населения—задача, которую не только не решали, но в полном объеме еще и не ставили. Для своего решения она требует не только прекрасного знания истории изучаемой области, но и подводит к решению таких основных вопросов исторической ботаники, как проблема областей зарождения земледельческих культур и путей образований культурных форм.

Для горных стран, подобных Нагорному Карабаху, вопрос этот решается еще сложнее, так как приходится учитывать посезонное перемещение значительной части населения с его стадами в пределах различных высотных поясов. Там, где горы с их тучными субальпийскими пастбищами находятся в непосредственной близости от обширных низменностей, лишенных снегового покрова зимой, но выгорающих летом, нельзя брать историю экономического развития равнин и гор отдельно друг от друга. Сопряженность хозяйства равнины и горных лугов в прошлом, когда не земледелие, а скотоводство было основной формой хозяйства, должна была выступать еще более резко. Вместе с тем, нельзя забывать и средние горные поясы, в настоящее время занятые остатками массивов дубовых лесов. Та картина, которую мы видим сейчас, поднявшись на одну из вершин южного Карабаха, является картиной очень

далекой от исходного ландшафта, встреченного здесь человеком на ранних стадиях его культурного развития.

Ботанический анализ флоры и растительности Карабаха заставляет думать, что первоначально человек столкнулся здесь со сплошными массивами лесов, среди которых обнаженные, покрытые ксерофитной растительностью, склоны играли совершенно подчиненную роль. Таким образом ассортимент видов дикорастущих растений, находивших пищевое применение, вырабатывался не только в совершенно иных экономических, но и естественно-исторических условиях.

В настоящее время мы еще бессильны проследить, как в пищевой бюджет населения входили отдельные виды растений и в какой постепенности одни сменяли другие. Сейчас, хотя во все времена года руководящая роль в питании принадлежит продуктам сельскохозяйственного производства, все же сохранилось отчетливое сезонное распределение состава пищи. При этом в отдельные моменты роль дикорастущих пищевых растений еще достаточно заметна.

Повидимому сезоном, когда дикорастущие пищевые растения играли в пищевом бюджете населения наиболее важную роль, была не осень, — период сбора и реализации урожая полевых культур и сбора плодов во фруктовых и ореховых садах, — а весна, когда всего острее ощущалась нехватка сделанных на зиму пищевых запасов. Особенно в неурожайные годы весна была иногда в полном смысле слова периодом травоядения, листьядения и использования хлебных суррогатов.

Подавляющее большинство дикорастущих растений, пищевое применение которых сохранилось в Карабахе до настоящего времени, используется ранней весной.

Наибольшее количество видов идет в пищу в отваренном виде. Так готовят сахаристые корни „молочной травы“, „катнахот“, *Tragopogon reticulatus* Boiss. et Huet, луковицы „хэнджелос“, *Ornithogalum platyphyllum* Boiss., молодые стебли „кырмызюк“, *Polygonatum polyanthemum* (MB) Dietr., „динэпак“, *Asparagus verticillatus* L., „шрмышог“, *Humulus lupulus* L., молодые листья „авялик“, *Rumex pulcher* L., „тыртпджук“, *Rumex acetosa* L., „шириш“, *Eremurus spectabilis* MB., наконец, вся молодая надземная масса „тал“, *Amaranthus retroflexus* L. и *Chenopodium album* L., а особенно излюбленных, дающих богатые слизью отвары, „пиперт“, *Malva neglecta* Wallr. и портулака, „перпер“

или „тяндорны“, *Portulaca oleracea* L. Два последних вид не являются также крепко связанными в своем использовании с весенним периодом, как все остальные.

Наименьшее количество видов идет в пищу в сыром виде. Салатное применение находит молодая зелень крапивы, „пенджар“, *Urtica dioica* L., кислого щавеля, „тыртынджук“, *Rumex acetosa* L., пастушьей сумки, „цты-пашар“, *Capsella bursa-pastoris* (L.) Med, мака, „потуткун“, *Papaver* sp. div., особенно же одичавшего *Papaver somniferum* L., кресса, „чирикутэм“, *Nasturtium officinale* L., и, главным образом, мелкого лесного лука, „хазаз“, *Allium paradoxum* (MB) Don., который, начиная с середины апреля и до середины мая, заполняет собою местные базары. Помимо салатной зелени, идущей в пищу в посоленном, а иногда и смешанном с растительным маслом и уксусом виде, в большем количестве используют очищенные от коры толстые черешки лопуха, „кротны“, *Arctium tomentosum* Mill., „глан“, *Cousinia macrocephala* C. A. M. и водяные побеги „набат“, диких видов шиповника, *Rosa* sp. div. и винограда, *Vitis vinifera* L.

Наконец, до самого последнего времени весной изготавливались традиционные „женгела-хац“, пирожки из пшеничной муки с начинкой из мелко изрезанной зелени различных дикорастущих травянистых растений, тушеной на растительном масле. На начинки использовали листву самых различных видов; сейчас используют, главным образом, три вида сорняков, которые могут без особых затруднений быть собраны в непосредственной близости от человеческого жилища: крапиву, „пенджар“, *Urtica dioica* L., мокрицу, „чурчурок“, *Stellaria media* (L.) Cyrill. и пастушью сумку, „цты-пашар“, *Capsella bursa-pastoris* (L.) Med. В качестве широко распространенной подушки в начинку женгела-хац кладут молодые листья начинающей в это время зацветать душистой фиалки, „манишак“, *Viola Wiedemannii* Boiss.

В последний раз использование в большом количестве хлебных суррогатов имело место в Нагорном Карабахе в 1919-20 гг., в период разожженной мусаватистами и дашнаками межнациональной резни, когда большие площади зерновых культур остались вовсе незасеянными, а то, что было засеяно, не везде удалось убрать. В эту чрезвычайно тяжелую для населения пору возродилась, казалось, уже давно забытая традиция пищевого использования дубовых желудей. При сборе сведений, однако, выяснилось,